Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ХАРБИН — «РУССКИЙ КИТЕЖ»

Часть 2

Свято-Николаевский собор (1908)

Как уже было сказано, храм несколько раз менял свой статус: до 1903 года он считался церковью Пограничной стражи, после чего стал железнодорожной церковью. 29 февраля 1908 года указом Святейшего Синода Харбинская Николаевская церковь была переименована в собор, а его настоятель священник о. Леонтий Пекарский возведен в сан протоиерея[1].

Воздвигнутый на возвышенном месте в центральной части города, храм на многие годы стал архитектурной достопримечательностью Соборной площади. Эта площадь, расположенная в центре утопающего летом в зелени Железнодорожного района, с собором и окаймляющими ее Московскими торговыми рядами (1908) в течение десятков лет неизменно оставалась самым красивым местом Харбина[2]. Собор многие десятилетия отражал собой русский характер этого нового по тому времени города в Китае и по праву считался символом русского Харбина, олицетворением русской православной культуры в Китае. Особенно великолепно храм воспринимался во время движения от железнодорожного вокзала в центр города по Вокзальному проспекту. Двигаясь от вокзала по проспекту, пешеходы и водители транспорта наблюдали, как храм, словно живой, вырастал, поднимаясь вместе с шатром вверх, к небу. И уже на площади он представал перед всеми во всем своем величии[3]. Место расположения собора до сих пор остается фокусом планировочной среды города, что учитывалось и в «Генеральном плане застройки Харбина 2011—2020 гг.»[4].

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

---

[1] Нилус Е. Х. Деятельность церковного отдела управления КВЖД (Обзор церковной жизни полосы отчуждения) // Русская Атлантида. 2009. № 33. С. 17.

[2] Мелихов Г. В. Манчжурия далекая и близкая. М.: Наука, 1991. С. 93—94.

[3] Крадин Н. П. Свято-Николаевский собор в Харбине как символ русской православной культуры // Рябининские чтения-2015 / Под ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск: Музей-заповедник «Кижи», 2015. С. 198.

[4] Дин Сян. Памятники русской архитектуры и культуры в Харбине // Любимый Харбин — город дружбы России и Китая. Материалы международной научно-практической конференции, посвя-

По словам харбинского священника Николая Падерина, «Свято-Николаевский собор был отцом всех церквей епархии и таким именно почитанием пользовался со стороны всех. Вся богослужебная сторона знаменательных церковных событий в жизни епархии в самой торжественной обстановке осуществлялась именно в соборе»[5].

Чрезвычайно торжественно отмечалось в Харбине столетие Отечественной войны 1812 года. Правление Общества КВЖД постановило ассигновать 2 тысячи рублей к юбилею Отечественной войны на приобретение для раздачи учащимся на территории КВЖД и Уссурийской линии книг, брошюр, памятных листков, художественных картин войны 1812 года, портретов, выпущенных книгоиздательством Сытина, и др. Юбилейные торжества проходили в субботу и воскресенье 25 и 26 августа[6].

Особенное стечение народа наблюдалось в субботу 25-го на площади у Николаевского собора. Перед собором построено возвышение, на котором должны будут служить молебен. 10 часов утра. В соборе окончилась литургия. В войсках звучит сигнал «К молитве», они берут на караул. Из собора выходит духовенство в праздничных ризах. За ним несут бесчисленное множество хоругвей и стягов духовных братств, иконы, знамена и штандарты частей Харбинского гарнизона.

Совершается торжественный молебен с провозглашением многолетия и вечной памяти. Настоятель собора о. Пекарский произносит пастырское слово. Затем церковная процессия, в которой также Хилков, Мартынов, Афанасьев и прочие начальствующие лица, обходит развернутые шеренги войск на Большом и Вокзальном проспектах. Оркестры играют «Коль славен наш Господь в Сионе». Обход завершен. Духовенство возвращается в собор, туда же вносят иконы и хоругви. Знамена и штандарты возвращаются к своим частям[7].

В 1913 году Николаевский собор закрывали на ремонт, продолжавшийся несколько месяцев. В конце сентября, когда все работы были закончены, храм вновь освятили. Освящение совершал прибывший в Харбин архиепископ Владивостокский и Приморский Евсевий (Никольский).

Известие об объявлении 19 июля/1 августа Германией войны России и о начале в Европе мировой войны пришло в Харбин в тот же день. Состоялась стихийная манифестация: большая толпа прошла по улицам Нового Города с портретами царя, государственными флагами и пением патриотических песен. 22 июля в Свято-Николаевском соборе состоялось всенародное молебствие о даровании русскому оружию победы над врагом. В дальнейшем ежедневно (а точнее сказать — еженощно) организовывались патриотические уличные демонстрации молодежи. Они проходили по одному маршруту с оркестрами, исполнявшими сербский и русский гимны[8].

Большим событием во время войны был приезд члена императорской фамилии в Харбин. Это был великий князь Георгий Михайлович, посетивший Харбин в зимнее время. Перед заходом солнца на Вокзальный проспект были выведены войска и выстроены шпалерами вдоль пути от вокзала к собору, где почетного гостя ждало духовен-

---

щенной 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае. Харбин, 16–18 июня 2018 г. Харбин; Владивосток: Издательство ВГУЭС, 2019. С. 125.

[5] Падерин Николай, священник. Церковная жизнь Харбина. Из кн.: Церковь твою утверди: Из воспоминаний о церковной жизни Харбина. Сан-Паулу, 1967. Цит. по: Русский Харбин. Изд. Московского ун-та, 1998. С. 27. См. также: Падерин Николай, свящ. В рассеянии // Альфа и Омега. № 3 (29). М., 2001. С. 260. Воспоминания харбинского священника Николая Падерина (впоследствии епископа Зарубежной Церкви в Бразилии) под названием «„Церковь Твою утверди“. Из воспоминаний о церковной жизни Харбина» были опубликованы в самиздате в г. Сан-Паулу в 1967 году.

[6] Мелихов Г. В. Манчжурия далекая и близкая. М.: Наука, 1991. С. 238.

[7] Там же. С. 239.

[8] Там же. С. 301—302.

ство. По обеим сторонам Вокзального проспекта были расставлены плошки, зажженные с наступлением темноты. Плошки явились единственным освещением для процессии от вокзала до Свято-Николаевского собора[9].

В ночь с 16 на 17 июля 1918 года в Екатеринбурге большевики расстреляли последнего императора Российской империи Николая II и его семью, не пощадив никого — ни молодых царевен, ни ребенка — цесаревича Алексея. В августе в Свято-Николаевском соборе Харбина отслужили панихиду по Николаю II[10]. Для российской эмиграции в Китае день расстрела царской семьи был траурным официально вплоть до 1945 года *(приложение 2)*.

15 ноября 1918 года Харбин торжественно отметил 25-летие со дня смерти великого русского композитора Петра Ильича Чайковского. Лучшие музыкальные и артистические силы Харбина устроили грандиозный вечер из произведений композитора. А еще ранее, в воскресенье 10 ноября, в Свято-Николаевском соборе при большом стечении молящихся — почитателей покойного композитора — была отслужена торжественная панихида. Во время богослужения хором собора под руководством регента В. С. Лукша (в прошлом дирижера хора Архангельского в Петербурге) были исполнены написанные П. И. Чайковским все песнопения литургии св. Иоанна Златоуста. «Нежнейшие тона и могучие звуки вызывали чувства волнения и умиления», — писала газета «Вестник Маньчжурии». С этого времени установилась традиция ежегодного исполнения 25 октября хором главного храма Харбина — Свято-Николаевского собора — этого замечательного творения русского гения[11].

Свято-Николаевский собор занимал важное место в духовной жизни Харбина как до большевистского переворота 1917 года, так и после. В лучшие времена жизни города старостами собора становились наиболее уважаемые жители Харбина: князь С. Н. Хилков, генерал Д. Л. Хорват, инженер Б. В. Остроумов[12].

Князь Степан Николаевич Хилков (186? — ?) — надворный советник, инженер путей сообщения (выпуск 1890 года), родной племянник министра путей сообщения Михаила Ивановича Хилкова. Дед С. Н. Хилкова — офицер лейб-гвардии Гусарского полка, коллежский советник, князь И. А. Хилков. Степан Николаевич проводил изыскания трассы КВЖД и руководил строительством одного из участков этой дороги с 1906-го по 1911 год. Староста Свято-Николаевского собора в Харбине, с 1908 года — вице-председатель Харбинской общины сестер милосердия Красного Креста.

Дмитрий Леонидович Хорва́т (1858, Кременчуг — 1937, Пекин) — русский генерал-лейтенант, инженер-путеец по образованию, в разные годы руководил различными участками железных дорог Российской империи, один из лидеров Белого движения на Дальнем Востоке. После Февральской революции 1917 года — комиссар Временного правительства на КВЖД. После «ноты Карахана», в которой большевики безвозмездно отказывались от каких бы то ни было русских прав на КВЖД, Хорват совершенно отошел от дел дороги и уехал в 1920 году в Пекин. Занимался политической и общественной деятельностью. С 1921-го по 1924 год — советник общества КВЖД в Пекине. С 1924 года — председатель отдела Русского общевоинского союза (РОВС) в Китае. Оставался там до своей смерти, являясь официально признанным главой русской эмиграции на Дальнем Востоке. В Харбине Вокзальный проспект, идущий от вокзала к Соборной площади с Никольским собором, был в 1920-е годы переименован в Хорватский проспект.

---

[9] Петров В. П. Город на Сунгари. Вашингтон: Издание Русско-Американского исторического общества, 1984. С. 16.

[10] Мелихов Г. В. Белый Харбин. Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. С. 130—131.

[11] Там же. С. 113—114.

[12] Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 91.

Борис Васильевич Остроумов (1879, Саратов — 1944, Вьетнам) — русский инженер, управляющий КВЖД в 1921—1924 годах. Жил в Харбине до 1928 года, затем в США и странах Юго-Восточной Азии. Умер во Вьетнаме.

«Великий Пост, как и Рождественский, — это время больших духовных концертов объединенных хоров харбинских церквей, — пишет Г. В. Мелихов. — Одним, возможно, наиболее ранним, по крайней мере, из известных мне, был такой концерт трех хоров — Свято-Николаевского собора, Софийской церкви и церкви Коммерческих училищ под управлением И. П. Райского 30 марта 1921 г. В нем принимала участие известная в то время певица — сопрано Каплунова, т. е. уже существовала традиция привлечения к выступлению церковного хора светских певцов»[13].

Свято-Николаевский кафедральный собор

В 1922 году на территории Маньчжурии указом Зарубежного Синода была образована самостоятельная Харбинско-Маньчжурская епархия, управлявшаяся митрополитом Харбинским Мефодием. В ее пределах оказались бежавшие из России архиепископ Мелетий, архиепископ Нестор и епископ Димитрий[14]. Свято-Николаевский храм объявили местом служения правящего епископа с наименованием «Кафедральный»[15], должность настоятеля была преобразована в должность ключаря[16]. Основоположником Харбинской епархии и первым ее архиереем был высокопреосвященный Мефодий (Герасимов), впоследствии митрополит Харбинский и Маньчжурский[17].

Имя этого митрополита всегда было окружено в Харбине огромной любовью и уважением паствы. Неустанными трудами он воссоздал Маньчжурскую епархию в том виде, в котором она оставалась неизменной до своего вхождения в юрисдикцию Московского патриархата. Этого архиерея, по признанию современников, отличали искренняя религиозность, подлинная любовь к Отечеству и русскому народу. Крушение государства Российского, Гражданская война и последовавшие гонения большевиков на Церковь и на ее клир застали Мефодия на его кафедре в Оренбурге, вынудив владыку к отъезду за рубеж. В Харбине владыка как проповедник проводил значительную работу по сохранению канонических устоев православия среди беженцев и «старожилов», а как богослов продолжил религиозно-просветительскую деятельность, что сплотило почти все православное население Маньчжурии[18].

Архиепископ Харбинский и Маньчжурский Мефодий радушно принял священников-беженцев и всех устроил в своей епархии. Особой чести сразу же удостоился молодой протоиерей Леонид Викторов. (В январе—феврале 1920 года он принял участие в легендарном Ледяном походе генерала Каппеля, во время которого отморозил руки и ноги. Обмороженный, он продолжил движение с поредевшей каппелевской армией до Владивостока, а затем, как и многие предвидевшие победу большевиков и воцарение их кровавой диктатуры, уехал в Харбин[19].) В 1923 году о. Леонид был назначен на

[13] Там же. С. 263.

[14] Поздняев Дионисий, священник. Православие в Китае (1900—1997). М.: Изд. Свято-Владимирского Братства, 1998. С. 47.

[15] Мелихов Г. В. Манчжурия далекая и близкая. М.: Наука, 1991. С. 92. См. также: Крадин Н. П. Харбин — русская Атлантида. Хабаровск, 2001. С. 93.

[16] Говердовская Л. Ф. Культурная жизнь российской эмиграции в Китае в 20—40-е года XX века. Дата обращения: 3 января 2011. Архивировано 12 апреля 2015 года.

[17] Падерин Николай, священник. Церковная жизнь Харбина. Из кн.: Церковь твою утверди: Из воспоминаний о церковной жизни Харбина. Сан-Паулу, 1967. Цит. по: Русский Харбин. Изд. Московского ун-та, 1998. С. 27.

[18] Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 91.

[19] Там же. С. 100.

должность проповедника Харбинского кафедрального собора. Снискать эту честь было нелегко, ведь тогда в Харбине уже находились многие маститые российские проповедники с академическим образованием и высоким церковным авторитетом[20].

В 1946 году, подводя итоги невзгодам военной и беженской жизни, о. Леонид (тогда уже архимандрит Никандр) вспоминал: «Памятно первое посещение Харбина в Великом посте 1923 г. Не могу молитвенно не вспомнить отзывчивого приснопамятного протоиерея о. Леонтия Пекарского — настоятеля собора. Он пригласил меня принять участие в Пассии и мне, совершенно чужому и неизвестному ему священнику, говорит в конце: „Быть может, Вы, батюшка, побеседуете с богомольцами, а я послушаю“. Я поблагодарил о. Леонтия за доверие и сказал, что особенно не готов к беседе, но с Божией помощью расскажу о страданиях нашего Господа. Тогда нас сама жизнь достаточно к этому подготовила»[21].

С 1923-го по 1925 год о. Леонид был штатным священником Свято-Николаевского собора. В 1925—1927 годах о. Леонид временно выехал из Харбина. Скончался его друг и бывший сослуживец по Пермскому собору о. Николай Березин, и о. Леонид откликнулся на приглашение прихожан заменить его на посту настоятеля Александро-Невской церкви в г. Ханькоу. Вернувшись в Харбин в 1927 году, о. Леонид непродолжительное время служил в Алексеевской церкви на Зеленом базаре и вскоре был перемещен в Свято-Николаевский собор с зачислением на должность ключаря. В 1937 году, после кончины о. Леонтия Пекарского, протоиерей Леонид Викторов становится настоятелем кафедрального собора и членом Епархиального совета[22].

В 1923 году в соборе соорудили придел в честь иконы Божией матери «Нечаянной радости». Среди особых святынь в храме выделялись прекрасно написанные изображения Пресвятой Троицы в главном алтаре и Сошествия Святого Духа над хорами, а также большой образ святого Николая Чудотворца, под покровом которого покоился первый глава Харбинской епархии митрополит Мефодий. Имелись в храме и несколько исторических, давних икон — дары командующего войсками генерал-губернатора Н. И. Гродекова, а также великого князя Александра Михайловича и других высоких особ. Глубоко почитался прихожанами образ Иверской Божией Матери, написанный в 1900 году чинами Пограничной стражи. Храм производил на всех настолько сильное впечатление, что он постоянно становился не только объектом обозрения, но и посещения, особенно в праздничные дни. Вмещавший 500 человек, он никогда не пустовал[23].

Говоря о соборном приходе, следует упомянуть о той благотворительной работе, которая проводилась Братством «Нечаянной Радости», много лет существовавшим при соборе. Основная задача братства заключалась в посильной помощи денежными средствами тому, у кого неожиданно случалась беда, когда он в первый момент терялся при своей полной беспомощности. Оказывалась, конечно, и периодическая помощь многим нуждающимся как некоторая поддержка в их трудном положении. Братство трудилось под покровом Богородицы, избрав своим праздником день иконы Божией Матери «Нечаянной Радости», в честь которой был освящен престол левого придела в соборе[24].

---

[20] Хиротония Никандра, епископа Цицикарского // Хлеб небесный. Харбин. 1946. № 9, 10. С. 49.

[21] Там же. С. 55.

[22] Коростелев В. А., Караулов А. К. Последний архипастырь Маньчжурии // Русская Атлантида. 2001. № 6. С. 8.

[23] Заря. 14 октября 1939 года. Цит. по: Крадин Н. П. Свято-Николаевский собор в Харбине как символ русской православной культуры // Рябининские чтения-2015 / Под ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск: Музей-заповедник «Кижи», 2015. С. 199. См. также: Крадин Н. П. Харбин — русская Атлантида. Хабаровск, 2001. С. 95—96.

[24] Падерин Николай, свящ. В рассеянии // Альфа и Омега. № 3 (29). М., 2001. С. 262.

Собор был замечателен во многих отношениях. Подкупольное пространство уходило на значительную высоту, благодаря чему создавалась неповторимая акустика. В соборе почти всегда проходили служения архиерейского чина. Лившиеся сверху церковные песнопения невидимого для молящихся хора создавали иллюзию неземных голосов.

Что касается церковных хоров, то в 20—30-е годы XX века каждая из 23 харбинских церквей имела свой зачастую вполне профессиональный хор под руководством регента. Особой известностью и славой пользовались три архиерейских хора, и среди них, прежде всего, хор Свято-Николаевского кафедрального собора, певчие которого работали отчасти на профессиональной основе, то есть получали за свою нелегкую работу в хоре небольшое жалованье.

Церковные хоры не только сопровождали службу, но и регулярно устраивали духовные концерты. Традиционно они устраивались на Рождество, особенно перед Великим постом и на Пасху, а также в Дни русской культуры и в церковные праздники. Об одном из торжественных молебнов в кафедральном соборе в день памяти свв. Кирилла и Мефодия вспоминала харбинка Галина Логинова (урожденная Морозова): «Благодатная, духовно возвышенная атмосфера молебна, четкий строй юношей из учебной команды. Подтянутых, в белых гимнастерках с желтыми с черной каймой погонами на плечах, с белыми бескозырками с желтым околышем и черной полоской внизу на согнутой руке (бело-желто-черный) — цвета императорского штандарта — все это произвело на меня огромное впечатление»[25].

В 1920-х годах славились концерты Свято-Николаевского собора под управлением Д. Я. Попова[26]. Выдающимися голосами обладали два знаменитых харбинских протодиакона, служившие в соборе, — о. Николай Иванович Овчинкин (могучий бас-октава) и о. Семен (Симеон) Никитич Коростелев (красивый лирический тенор)[27]. Протодиакон Николай Овчинкин был заметной фигурой собора, чей могучий бархатный бас всегда восхищал всех присутствующих. Манерой держаться и одеваться он удивительно походил на старорусского боярина[28]. В соборе в торжественные и праздничные дни к хору присоединялись оперные певцы и певицы, солируя «Отче наш», «Херувимскую» и «Верую». Это солирование на оперный лад многими не совсем воспринималось как церковное пение, но тем не менее люди со всего города приезжали сюда, стояли на крыльце и даже на улице, чтобы только послушать это дивное пение и службу[29].

Панихида отменяется: ПАТРИАРХ ЖИВ[30]

В 1921 году перед VI отделением ВЧК («по борьбе с контрреволюцией в среде духовенства») была поставлена задача — обличить патриарха Тихона в том, что он «нелегально сносится с заграничными церковными кругами, монархической эмиграцией и поощряет церковную контрреволюцию внутри России». Советская пресса заговорила о его «тайных сношениях с заграницей» как о достоверно установ-

[25] Цит. по: Печерица В. Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток, 1998. С. 13.

[26] Капран И. К. Музыкальный Харбин: церковные хоры // Российские соотечественники в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Материалы третьей международной научно-практической конференции. Владивосток, 5—7 сентября 2001 г. Владивосток, 2003. С. 152—153.

[27] Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 263.

[28] Протодиакон Никола Иванович Овчинкин родился на Дальнем Востоке неподалеку от оз. Зайсан. В сане протодиакона с 27 лет, возведен еще в царской России. В 1920-х годах эмигрировал в Китай. Служил в Свято-Никольском соборе в Харбине с 1922-го по 1947 год. Знаменитый бас. Скончался в Харбине в 1949 году в возрасте 55 лет от тяжелой болезни.

[29] Шарохин Н. Г. Мой Харбин // Русская Атлантида. 2006. № 21. С. 50.

[30] Изложено по: Баконина С. Н. Церковная жизнь русской эмиграции на Дальнем Востоке в 1920—1931 гг. На материалах Харбинской епархии. М.: Изд. ПСТГУ, 2014. С. 103—108.

ленном факте. В то же время за границей разными путями получали довольно подробные известия с родины.

В 1922 г. свободная эмигрантская пресса почти ежедневно передавала сообщения о событиях в России, гонениях на духовенство и судьбе российского Патриарха. В Харбине довольно скоро стало известно, что 19 мая 1922 г. находившийся под домашним арестом святитель был переведен с Троицкого подворья в Донской монастырь, где к нему была приставлена усиленная охрана. В сентябре было опубликовано сообщение, в котором говорилось, что Патриарх «охраняется отрядом чекистов в 150 человек и к нему никто не допускается, любая переписка запрещена». В статье описывался случай, когда пьяные чекисты пытались ворваться в келью Патриарха и двое из них были застрелены комиссаром. «Из Москвы, — сообщала газета «Свет», — отдан приказ, чтобы жизнь Патриарха была сохранена до начала процесса. Последнее время, ввиду тяжелых условий режима, Патриарх Тихон занемог и не покидает постели».

С августа 1922 до весны 1923 г. продолжались регулярные допросы святителя. Однако сроки начала судебного процесса постоянно срывались, и последние приготовления к нему пришлись на апрель 1923 г. 19 апреля Патриарх Тихон был переведен из Донского монастыря во внутреннюю тюрьму ГПУ. Весть об этом всколыхнула церковные круги, через иностранных корреспондентов проникла за кордон. Перевод Патриарха на Лубянку многим представлялся прелюдией к запланированному процессу, на котором, по секретному постановлению Политбюро ЦК РКП(б), трибунал должен был вынести ему смертный приговор. Представляет интерес следующий факт: во время пребывания Патриарха в тюрьме советская пресса словно забыла о его существовании и ничего о нем не писала, но зато за границей продолжали регулярно получать сообщения из Москвы.

В начале июня в Харбин пришла корреспонденция из Берлина: «Находящийся в заключении Патриарх Тихон серьезно занемог. Прокуратура отказала в выдаче разрешения врачам, постоянно лечившим Патриарха, посетить больного. Арестованному Патриарху предложено пользоваться услугами тюремного врача. Больного Патриарха ежедневно подвергают допросу, заставляя давать письменные показания. Все распоряжения по отношению к арестованному Патриарху санкционируются Крыленко[31], без его разрешения свидания и передача продуктов арестованному не допускаются». В этот период, как свидетельствует современник, при всей разноголосице, которая существовала тогда в общественном мнении, все сходились в одном — Патриарх никогда не увидит свободы, говорить о его освобождении значило говорить о чуде. Несмотря на то что никто ничего достоверно не знал, в провинции ходили упорные слухи о расстреле святителя.

Смертный приговор Патриарху не был вынесен. На это решение властей повлияли как протесты мирового общественного мнения, так и беспорядки внутри страны. В то же время обстоятельства освобождения Патриарха свидетельствуют о том, что советская власть не отказывалась от своих планов. Выход был найден в новой провокации против главы Русской Православной Церкви.

Томящийся в лубянских застенках Патриарх знал на тот момент только то, что лишенная законного управления Церковь гибнет. В то же время власти усиленно добивались от него публичного «покаяния», которое было условием освобождения из-под ареста. И Патриарх принял решение пожертвовать своим авторитетом, но спасти Церковь. 16 июня 1923 г. он подписал заявление в Верховный Суд РСФСР, в котором признал правильность решения суда о привлечении его к ответственности «по указанным в обвинительном заключении статьям Уголовного Кодекса за антисоветскую деятельность». «Я отныне советской власти не враг. Я окончательно и ре-

[31] Николай Васильевич Крыленко (Крыленков) (партийная кличка — Абрам; 1885—1938) — советский государственный и партийный деятель, член ЦКК ВКП(б) в 1927—1934 годах. Один из организаторов массовых репрессий, жертвой которых впоследствии он сам и стал. Место захоронения — расстрельный полигон «Коммунарка» (Московская область).

шительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и от внутренней монархически-белогвардейской контрреволюции» — эти слова, по расчетам властей, должны были вызвать бурю и уничтожить Патриарха в глазах православного народа, и прежде всего русской эмиграции.

27 июня 1923 г. Патриарх Тихон был освобожден из тюрьмы и вновь переведен в Донской монастырь. В этот же день в Харбине были получены три телеграммы: две из Риги и одна из Москвы. В первой говорилось об освобождении Патриарха, которое явилось следствием его письма на имя советских властей с выражением «самого искреннего сожаления по поводу всей своей деятельности, направленной против советской власти» и готовности присягнуть на верность советскому правительству. Вторая сообщала: «По общему убеждению, Тихон обратился к советской власти со своим последним письмом после применения к нему в тюрьме пыток, и ввиду чего он не может быть ответственным за содержание письма, заявляющего о признании им советской власти». И, наконец, последней была получена телеграмма о том, что, согласно газетным сообщениям, Патриарх Тихон скончался 16 июня в московской тюрьме.

В тот же день на первых страницах газет появились большие статьи с откликами на ошеломившее харбинцев известие. Все они называли ложным сообщение о «раскаянии» Патриарха и признании им советской власти, за границей поверили только в мученическую кончину «великого страдальца и исповедника». Судьба Патриарха волновала не только православных — 28 июня в квартиру епископа Камчатского Нестора явилась депутация от харбинских мусульман для выражения чувств соболезнования по усопшем главе христианской Церкви и негодования по поводу его преследований.

29 июня харбинские газеты опубликовали статьи под общим заголовком «К мученической кончине Патриарха». В некрологе, написанном священником Иоакинфом Лавошниковым, говорилось: «Неслыханное злодеяние свершилось в XX веке. Мучительным, по усовершенствованному методу электрической энергией, пыткам подвергся врагами Христовой веры престарелый Первоиерарх Церкви Православной и не стало его в живых. Власть добилась своего. Патриарх Тихон, ненавистный ей, умер, но не в силах она снять с него венец мученичества и умалить до конца свершенный им подвиг». В этот же день газеты сообщили, что вечером 29 июня в Никольском соборе будет отслужена панихида, которую совершат харбинские архиереи в сослужении всего городского духовенства.

Но панихиды в этот день не было. Для обсуждения вопроса о почтении памяти почившего Патриарха Московского и всея России Тихона, в покоях архиепископа Харбинского Мефодия состоялось объединенное совещание, на котором, кроме православных епископов, священников и мирян, присутствовали ксендз, настоятель армянской церкви и представитель местной мусульманской общины. После обмена мнениями на совещании было решено принять меры к получению бесспорного подтверждения факта кончины Патриарха. Предполагалось также назначить особый траурный день для совершения заупокойной литургии. Вечером того же дня должно было состояться собрание, посвященное памяти Патриарха и наименованное «Вечером скорби».

Во время проходившего в архиерейских покоях заседания к харбинскому собору стекались богомольцы «на панихиду». Узнав из висевшего на церковной ограде объявления, что панихиды не будет, люди не спешили расходиться и делились друг с другом горестными переживаниями последних дней. Оказавшийся там корреспондент газеты «Свет» так описал свои впечатления о «народных настроениях», к которым он прислушивался «с сердечным вниманием»: «Я впервые имел случай убедиться, что народ плохо верит в добровольное отречение от престола покойного императора. Почтенная на вид сорокалетняя женщина, повествовавшая о том, что „Николай Александрович, батюшка, отрекся под дулом револьвера“, была выслушана с жадным вниманием и не встретила ни одного возражения».

Вспоминали же об этом событии в связи с газетным сообщением о письме, написанном Патриархом, в котором он якобы выражал сожаление о своем прежнем отношении к советской власти. «Этой гнусной выдумке, по-видимому, не верит решительно никто, и если она пущена с провокационной целью, то результаты ее совершенно противоположны тому, на что она была рассчитана: слух о пытках, которым будто бы подвергался покойный святитель, крепнет и вызывает множество комментариев самого нелестного для большевиков характера. Народ творит о них легенду, поразительно верно отражающую его отношение к непонятной и ненавистной власти».

1 июля во всех харбинских храмах служились панихиды, но о всенародной панихиде епархиальная власть объявлять не торопилась, ждали подтверждения печальных известий. Наконец 3 июля в газетах появилось долгожданное сообщение (на первой странице большими буквами) — ПАТРИАРХ ЖИВ. Сначала в харбинских храмах служились панихиды, но через несколько дней, когда были получены сведения о том, что патриарх жив, снова стали молиться о его здравии.

Приложение 2. Михаил Спургот[32]. 17 июля. Из поэмы «Екатеринбург»

В глухой подвал их всех свели.
Был вечер душен, грозен, зноен.
Но, как все заточенья дни,
Царь был и сдержан, и спокоен.

Упала ночь. И в тишине
Лишь часовых шаги звучали.
И трепетно молились все
В предсмертной муке и печали.

Убийцы дерзкою толпой
Вошли. В глазах зверь красный бился.
И в тайне ночи роковой
Кровавый ужас совершился.

И стали стены все в крови,
И глухо выстрелы гремели,
И, убивая, палачи
В глаза страдальцам не смотрели...

...Прошли года. От тех времен
Осталось мало что знакомо,
Но тайной страшной окружен
Подвал Ипатьевского дома.

И как легенда говорит, —
Ее народ весь повторяет, —
Теней загробных грозный вид
Там часто сторожей пугает.

Они приходят по ночам —
Так повествуется в народе, —
И с ними Император сам
Со всей Семьей своей приходит.

И там, колени преклоня,
Так, как и прежде, в дни былые,
Он молится — не за себя,
А о спасении России![33]

[32] Спургот Михаил Цезаревич (1901, Гродно — 1993, Советск Калининградской области). С 1915 года в Китае, затем снова в России. Участник Гражданской войны. С 1921 года жил в Харбине. В 1947 году уехал в СССР, работал в театре. В 1951 году был арестован и сидел до 1955 года, позднее работал в филармонии. В середине 1960-х годов вышел на пенсию. До самой смерти жил в г. Советске (бывш. Тильзит). Там же. С. 696—697 (примеч.).

[33] Русская поэзия Китая. М., 2001. С. 518—519.